A 168/154

Геройскіе подвиги

ратниковъ

Государственнаго Ополченія.

СОСТАВИЛЪ

Штабсъ-капитанъ ШИШКИНЪ.

Цѣна 20 к.

Цѣна 20 к.

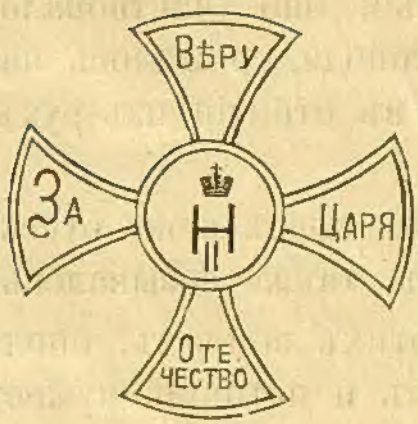
Изданіе второе.

ВОРОНЕЖЪ. 1896 г.

Высочайше утвержд. „Товарищ. „Печатня С. П. Яковлева"

Дозволено цензурою. Москва. Ноября 17 дня 1896 года.

2007111424



Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго; мужское населеніе безъ различія состоянія подлежитъ воинской повинности.

Русскія вооруженныя силы состоятъ изъ постоянныхъ войскъ и ополченья; ополченье созывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени: оно призывается и сформировывается въ возможно кратчайшій срокъ и не далѣе 28 дней со дня полученія въ губерніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія о призывѣ ополченья; дѣлится оно: на пѣшія дружины, конныя сотни и морскія команды.

Первое на Руси ополченье было созвано въ войну 1806 года; ратники этого ополченья 27 мая 1807 года участвовали въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. Въ 1812 году, когда французы шли на

Москву, было во второй разъ созвано ополченье; оно участвовало въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Полоцкомъ, Дрезденомъ, Магдебургомъ и Парижемъ.

Въ началѣ Севастопольской компаніи по манифесту отъ 29 февраля 1855 года въ третій разъ созывалось ополченье; оно участвовало въ достославной оборонѣ Севастополя, сражалось на бастіонахъ и принимало участіе въ отбитіи изъ рукъ непріятеля Малахова Кургана.

Наконецъ въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877—78 годовъ, также созывалось ополченье.

Во всѣхъ этихъ войнахъ, ополченцы всегда проявляли храбрость и истинное мужество; но нигдѣ они не выказали столько геройскихъ подвиговъ, какъ въ сраженіи подъ г. Полоцкомъ. Сраженіе это происходило 7 августа 1812 года, когда французы предводимые Наполеономъ вторгнулись въ предѣлы Россіи, почему 1812 годъ еще до сихъ поръ живетъ въ памяти народа подъ именемъ „разореннаго года“.

Въ то время русскими войсками, которыя стояли подъ Полоцкомъ командовалъ графъ Витгенштейнъ. Какъ самъ онъ, такъ и вся армія стояли въ это время въ дер. Соколицахъ, верстахъ въ двадцати отъ Полоцка, самъ же Полоцкъ былъ занятъ французами, состоявшими подъ начальствомъ генерала Сенъ-Сира. Для того, чтобы переправиться чрезъ р. Двину, обойти Полоцкъ съ тыла и отрѣзать войска Сенъ-Сира отъ главныхъ полчищъ Наполеона, графъ Витгенштейнъ вознамѣрился переправиться черезъ рѣку у дер. Горянъ, но для этого необходимо было предварительно вогнать Сенъ-Сира въ самый городъ Полоцкъ. Съ этой цѣлью наши войска въ количествѣ 39.800 человѣкъ раздѣ-

лены были на три колоны. Первыя двѣ должны были идти къ дер. Юровичамъ, третьей подъ командой князя Яшвиля, идти къ Подоцку съ сѣвера, а отдѣльному корпусу графа Штейнгеля, въ которомъ было около 13.000 человѣкъ, переправиться чрезъ р. Двину и подступить къ городу съ юга.

Рано утромъ 4 октября тронулись наши войска по назначенію; послѣ темной октябрьской ночи, только въ пасмурное утро подошли они къ Юровичамъ, но оказалось, что деревня занята французами, подъ начальствомъ генерала Мелона; живо наши войска вытѣснили непріятеля изъ Юровичей; вотъ тутъ то въ первый разъ, ополченье увидѣло непріятелей.

Ратники шли смѣло, безбоязнено впередъ; современники разсказываютъ, что они шли такъ смѣло и бодро, какъ на учебномъ полѣ; подвигаясь впередъ по направленію къ Полоцку, они проходили чрезъ лежавшихъ по дороги и по полю изуродованныхъ ядрами французовъ, приговаривая: „по дѣломъ, не ходили бы къ намъ на святую Русь!“ Старые солдаты утверждали, что Витгенштейнъ не побѣдимъ и ратники были такъ увѣрены въ этомъ, что шли совершенно покойно, убѣжденные въ несомнѣнной побѣдѣ.

6-го октября утромъ Витгенштейнъ рѣшился атаковать французовъ съ цѣлью вогнать ихъ въ Полоцкъ, чтобы переправиться у Горянъ. Авангарду приказано было выбить французовъ изъ лѣса, который не широкой полосой отдѣлялъ деревню Громы отъ непріятельскаго лагеря. Другой половинѣ арміи подъ командою князя Яшвиля приказано было наступать на Полоцкъ, чтобы вбить непріятеля въ городъ.

Видя, что не всѣ наши войска вышли изъ лѣса, Сенъ-Сиръ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и выслалъ свою кавалерію въ атаку въ промежутокъ между лѣвымъ флангомъ и серединой. Замѣтивъ, какая опасность грозитъ этому мѣсту, графъ Витгенштейнъ лично понесся вдоль цѣпи, осыпаемый градомъ пуль. Французскіе эскадроны бросились на его конвой и чуть-чуть не захватили въ плѣнъ славнаго полководца. Середину составляли только ратники. Видя происходившее съ Витгенштейномъ, ополченіе открыло такой адскій ружейный огонь по всей линіи, что французы заколебались. Замѣтивъ что французы колеблятся, ратники сами безъ всякаго приказанія, съ крикомъ „ура“ бросились на французовъ въ штыки, работая прикладами, саблями, топорами. Тотчасъ Винтенштейнъ повелъ по слѣдамъ ихъ колоны старыхъ солдатъ. Этотъ свой первый шагъ на полѣ брани ратники ознаменовали такимъ всесокрушающимъ ударомъ въ штыки, который сдѣлалъ бы честь даже старымъ, отборнымъ полкамъ. Снова Сенъ-Сиръ возобновляетъ свои нападенія, но ратники стойко выдерживаютъ нападенія ни пяди не подаваясь назадъ. Видя безуспѣшность своихъ атакъ, Сенъ-Сиръ отошелъ наконецъ въ укрѣпленный лагерь. Между тѣмъ наступили сумерки и Витгенштейнъ отвелъ свои утомленныя войска на ночь въ дерев. Громы.

Въ этотъ же самый кровопролитный день 6-го октября, происходило дѣло и у князя Яшвиля на правомъ берегу Полоты. Въ четвертомъ часу по полудни получилъ князь Яшвиль приказаніе начать атаку. Но Сенъ-Сиръ желая имѣть свои войска сосредоточенными и поэтому приказалъ отступать отстрѣливаясь. Сра-

жаясь, такимъ образомъ, кн. Яшвиль дошелъ до Полоцка и протянулъ вокругъ него цѣпь. Графъ же Штейнгель дойдя до дер. Палюдовичи, извѣстилъ графа Витгенштейна, что завтра утромъ корпусъ его будетъ готовъ атаковать Полоцкъ.

Въ этомъ сраженіи 6 октября ратники ознаменовали свое первое боевое крещеніе такими геройскими подвигами, такой храбростью и любовью къ родинѣ, какихъ исторія даетъ не часто. Начальники дружинъ и офицеры, хотя многіе изъ нихъ служили только въ гражданской службѣ, являли рѣдкіе примѣры соревнованія, кидаясь другъ передъ другомъ въ самыя опасныя мѣста, раненые, уже истекая кровью, они все-таки не хотѣли оставить поле сраженья. Умирая они собирали послѣднія силы, чтобы крикнуть собратамъ: „братцы, впередъ ура“!! Простые ратники не уступали своимъ офицерамъ; посбросавъ съ себя полушубки и кафтаны въ однихъ рубахахъ, выбѣгали они въ цѣпь и тутъ дрались съ непріятелемъ чѣмъ было можно; дрались прикладами, дрались топорами.

Когда дружинѣ приходилось вступать въ дѣло, то ратники, поснявъ шапки, крестилися, говоря: „Господи благослови“, и уже шли безстрашно въ самый градъ пуль и картечей. Разъ только, идя подъ перекрестнымъ огнемъ французскихъ пушекъ, заколебались они, но окрикъ ихъ главнаго начальника Сенатора Бибикова; „что съ вами братцы? Вспомните, что вы русскіе, православные!?“, ободрилъ ихъ и тотчасъ же съ крикомъ „ура“, бросились они на непріятеля и смяли его.

Утромъ рано, на другой день 7 октября графъ Витгенштейнъ выдвинулъ свой корпусъ съ ночлега изъ

дер. Громовъ. Князю Яшвилю, находившемуся на правомъ берегу Полоты, приказано было открыть огонь изъ всей артиллеріи, которая была въ его распоряженіи, если только онъ замѣтитъ хоть какой нибудь признакъ отступленія Сенъ-Сира. Между тѣмъ, Сенъ-Сиръ въ это время получилъ извѣстіе, что корпусъ графа Штейнгеля идетъ на подкрѣпленіе къ графу Витгенштейну.

Угрожаемый такимъ образомъ съ тыла, онъ рѣшился оставить Полоцкъ и перейти за р. Двину; приказавъ секретно, не спѣша выступить изъ Полоцка, онъ началъ не торопясь отправлять изъ города артиллерію, тяжести, больныхъ, раненыхъ. Но при отступленіи одинъ изъ французскихъ генераловъ зажегъ шалаши французскаго лагеря. Страшный пожаръ мгновенно разнесся по всему лагерю, что послужило для насъ признакомъ отступленія французовъ. Тотчасъ загремѣла вся артиллерія по обоимъ берегамъ Полоты, при чемъ наши орудія, подвигаясь впередъ, зажгли городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Наступилъ между тѣмъ уже вечеръ. Глубокій сумракъ легъ на полѣ битвы, освѣщаемое огромнымъ заревомъ пылавшаго города. Но пальба не прикратилась, и вечеромъ и всю ночь частый ружейный огонь кипѣлъ у укрѣпленій Полоцка.

Наконецъ въ два часа ночи Витгенштейнъ приказалъ идти на приступъ. Глубокія рытвины, двойные палисады, топкія, грязныя мѣста, засасывающія трясины не удержали нашихъ войскъ и они бросились съ трехъ сторонъ къ Полоцку, горѣвшему яркимъ пламенемъ. Въ западной части города былъ деревянный мостъ, закинутый рогатками чрезъ р. Полоту, которая въ этомъ мѣстѣ протекаетъ въ страшно глубокомъ оврагѣ. Мостъ этотъ висѣлъ почти надъ пропастью,

однимъ концомъ примыкая къ городскому въѣзду, врытому сквозь высокую гору; на вершинѣ же горы были батареи; внизу бойницы; подъ мостомъ положены были мины; за этой-то крѣпкой оградой непріятель защищался упорно. Но одна изъ дружинъ ополченья именно статскаго совѣтника Николаева первая бросилась къ мосту. Охотники изъ ратниковъ кинулись въ рытвину, перешли р. Полоту въ бродъ и закричали „ура“, давая этимъ знакъ къ общему нападенію. Французы оробѣли они такъ были поражены этимъ страшнымъ натискомъ ополченцевъ, что не успѣли даже взорвать мостъ, по которому колеблящимися волнами валили ратники эти „люди съ большими бородами“ по выраженію Сенъ-Сира, прологая себѣ путь штыками и топорами.

Напрасно французскій арріергардъ упорно отстаивалъ городъ, защищаясь въ улицахъ шагъ за шагомъ; ратники преодолѣли все, захвативъ одну пушку и 2000 плѣнныхъ. Въ благодарность за ихъ безпримѣрные подвиги, графъ Витгенштейнъ въ приказѣ по войскамъ наименовалъ ратниковъ „защитниками Россіи“!

Рано утромъ, при первыхъ проблескахъ зари, графъ Витгенштейнъ въѣхалъ въ городъ. Съ музыкой и барабаннымъ боемъ начали входить полки за полками, ступая по тѣламъ убитыхъ; странный видъ представлялъ изъ себя городъ. Розоватые, сѣдые клубы дыма высоко подымались по улицамъ отъ горѣвшихъ домовъ, освѣщаемые первыми лучами разгоравшейся зари. По улицамъ видѣлись пробитыя кровли, развороченныя ядрами; окна выбиты; сгорѣвшіе дома дымились; вездѣ опустошеніе; неприкосновенными остались только церкви, которыя были ограблены и обращены

въ конюшни; по грязнымъ улицамъ валялись затоптанные трупы—всюду кровь и нестерпимый смрадъ.

По вотъ утреннее солнце поднялось изъ за горизонта; облило своимъ яркимъ свѣтомъ и городъ и окрестность; Витгенштейнъ приказалъ служить молебенъ о побѣдѣ и панихиду по убитымъ въ мѣстномъ соборѣ. Но оказалось, что двери и окна собора были выбиты; полы разворочены и покрыты всякой нечистотой; царскія врата разломаны; святыя иконы испорчены; престолъ обнаженъ. Самъ архимандритъ, который былъ долженъ совершать служеніе, едва двигался отъ увѣчья, нанесеннаго ему накануѣ французами, которые допытывались у него денегъ. Однако молебствіе было совершено и едва кончились звуки многолѣтія и смолкли громовые раскаты орудій торжествуя побѣду, какъ внезапно прибылъ фельдъегерь съ пакетомъ отъ Государя, который графъ Витгенштейнъ могъ распечатать не ипаче, какъ взявши Полоцкъ. Такъ какъ взявъ Полоцкъ, Витгенштейнъ имѣлъ право вскрыть конвертъ, то распечатавъ его, онъ нашелъ въ немъ рескриптъ, гдѣ графъ за взятіе Полоцка всемилостивѣйше возводился Императоромъ въ чинъ полнаго генерала!

Въ Севастопольскую компанію ратники показали еще болѣе храбрости и мужества.

Къ 26 августа 1856 года французы такъ близко подошли къ главному укрѣпленію, называемому Малаховымъ Курганомъ, что были отъ него не далѣе сорока шаговъ. Еще наканунѣ весь день они производили бомбардировку, кидая тысячи ядръ и бомбъ; однихъ артиллерійскихъ снарядовъ выпустили 50,000 штукъ, изъ коихъ разрывныхъ было 30,000.

Но вотъ съ разсвѣтомъ 27 августа они открыли жестокую канонаду: въ 8 часовъ утра бросили они два бочонка начиненные порохомъ, болѣе пяти пудовъ въ каждомъ. Немного спустя, взорвали они три горна, на что потратили болѣе тридцати пудовъ пороха. Сотрясеніе отъ этого взрыва было такъ ужасно, что обвалился ровъ бастіона и нѣсколько человѣкъ было убито камнями и взлетѣвшими глыбами земли. Ратники 49 курской дружины были немедленно вызваны и поставлены прислугой для стрѣльбы изъ орудій. Къ полудню стрѣльба какъ будто стала утихать; пользуясь этимъ затишьемъ людямъ разрѣшено было обѣдать, а самъ начальникъ надъ войсками Малахова Кургана Генералъ-Маіоръ Буссау готовился раздавать нижнимъ чинамъ георгіевскіе кресты. Въ то время какъ обѣдали люди, вдругъ раздался крикъ: „французы, французы!!“ Дѣйствительно, огромными толпами бѣжали французы на Малаховъ Курганъ; перебрались черезъ ровъ и взошли на валъ; но не сробѣли наши; храбро кинулись молодцы на непріятеля и завязался страшный рукопашный бой. Пѣхота и артиллеристы отбивались чѣмъ могли. Бились штыками, прикладами, банниками, камнями; но непріятель прибывалъ все больше и больше. Около 10.000 французовъ ворвались уже въ внутрь бастіона. Тогда то капитанъ-лейтенантъ Карповъ собралъ 49 курскую дружину и повелъ ее подъ своимъ начальствомъ на врага.

Смѣло бросились ратники на французовъ и не смотря, что толпы непріятеля все прибывали, не хотѣли отступить ни шагу и всѣ до одного пали съ честью у валовъ бастіона.

„Война рождаетъ героевъ“, говоритъ пословица

и нѣтъ такой войны, которая не имѣла бы своихъ героевъ.

Ратникъ Курскаго ополченія Иванъ Бѣлевцовъ въ одну изъ вылазокъ противъ непріятеля былъ взятъ въ плѣнъ; когда его привели къ англійскому генералу, то тотъ спросилъ его: „сколько перешло ратниковъ—бородачей въ Крымъ“? Бѣлевцовъ зналъ, что пока къ Севастополю прибыло только три дружины, но не хотѣлъ выдать секрета. Поэтому подумавъ немного онъ сказалъ: „четыре мильонта“! Отвѣтъ этотъ былъ принятъ англійскимъ генераломъ за насмѣшку и онъ приказалъ посадить Бѣлевцова подъ караулъ и приставить къ нему двухъ часовыхъ. Сидя подъ карауломъ, Бѣлевцовъ сталъ грустить по своимъ однополчанамъ. Вдругъ онъ видитъ, что одного изъ часовыхъ позвали къ начальству, не долго думая, онъ мигомъ набросился на оставшагося, выхватилъ у него ружье и заколовъ его штыкомъ, бросился бѣжать. Это замѣтили въ англійскомъ лагерѣ; поднялась тревога и по Бѣлевцову начали стрѣлять; но онъ успѣлъ добѣжать до рѣки и бросился вплавь.

Переплывъ рѣку, Бѣлевцовъ, опасаясь чтобы его не подстрѣлили, пошелъ по камышамъ и камышами добрался до перваго казачьяго пикета, откуда и заявился своему начальству.

Въ 1807 году въ городѣ Судогдѣ, Владимірской губерніи случился большой пожаръ; въ это время у казенной кладовой стоялъ на часахъ ратникъ Пичугинъ. Ему принадлежалъ въ городѣ небольшой домикъ, въ которомъ жила его жена съ маленькимъ ребенкомъ. Пожаръ между тѣмъ становился больше и больше, такъ что полгорода было объято пламенемъ. Пичугинъ, стоя

на часахъ, видѣлъ какъ огонь доходитъ до того мѣста, гдѣ былъ его домикъ, въ которомъ оставалась его жена съ ребенкомъ. Но такъ какъ пламя распространялось все дальше и пожаръ грозилъ и самой кладовой, то начальство поспѣшило отворить кладовую, чтобы своевременно спасти казенныя деньги. Въ это время прибѣгаетъ одинъ изъ его знакомыхъ и кричитъ: „Пичугинъ, крыша на твоемъ домѣ занялась; бѣги, скорѣй спасать имущество"!—„Не можно", отвѣчалъ Пичугинъ, „казну еще не повытаскали"!—Спустя немного времени прибѣгаетъ другой и кричитъ: „Пичугинъ, жена твоя съ ребенкомъ горятъ въ домѣ; бѣги скорѣй, спасай ихъ!"—„Не можно", отвѣчаетъ Пичугинъ, „еще не всю повытаскивали казну"; но вотъ казну вытащили и Пичугинъ смѣнился съ караула; опрометью, почти безъ памяти, прибѣгаетъ онъ къ своему жилищу, но вмѣсто дома находитъ дымившіеся уголья, а между ними обгорѣлыя кости своего ребенка и почернѣвшую половину тѣла своей жены, обратившуюся въ уголь. За такой геройскій подвигъ Пичугина, Императоръ Александръ I-й приказалъ выдать въ награжденіе ему 500 руб. единовременно и назначить по триста руб. ежегодной пенсіи.

Такъ славны были подвиги этихъ ратниковъ, умѣвшихъ съ честью защищать родину и положить свою жизнь, какъ изображено на ополченскомъ крестѣ, *за Вѣру, Царя и Отечество.*